

кармакаров текст ничего нам не сообщает. Тот и другой термины добавлены в текст, как мне представляется, самими переводчиками.

Итак, мой тезис заключается в том, что положение кармакаров времен «Артхашастры», т. е. в самом начале процесса кастообразования, было аналогично положению каминов, или кам карневале, в развитой кастовой системе джаджмани. Следовательно, кармакары — не наемные рабочие, а партнеры в традиционной системе джаджмани. К сожалению, категория джаджманов в «Артхашастре» менее определена и не была отмечена специальным термином.

М. К. Кудряцев

НОВЫЙ ЭТАП В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ХАРАППЫ

Хараппская цивилизация долины Инда, открытая в ходе археологических исследований 20-х годов XX в., прочно вошла в фундамент знаний как эталон высоко развитых культур древнего мира. Именно к хараппской эпохе восходят истоки многих культурных традиций. Индостанского субконтинента — от пристрастия к ношению многочисленных браслетов до образов многоликих божеств. Первоначальный этап изучения этого замечательного феномена древности был связан с масштабными раскопками в 20-х и 30-х годах основных центров — Мохенджо-даро и Хараппы, когда были определены основные черты и особенности этой цивилизации древневосточного типа, воспринимавшейся в целом как нечто единое и статичное. Начало второму этапу более углубленного исследования положила активная деятельность М. Уилера, который не только провел на качественно новом методическом уровне раскопки Мохенджо-даро и Хараппы¹, но также приложил немало усилий к созданию в Индии и Пакистане местных археологических школ со своими традициями, приемами и национальными кадрами. После достижения в 1947 г. независимости в обеих странах развернулись широкие работы по учету археологических памятников, были заполнены огромные лакуны, существовавшие на археологической карте, на вновь открытых поселениях производились систематические и тщательные раскопки. В результате древние городские центры долины Инда были включены в целую древнюю культурную систему, распространившуюся на обширных пространствах и обнаруживающую все больше локальных, специфических формопроявлений как в пору сложения, так и в период упадка и постепенной дезинтеграции хараппской культурной общности.

Количественные изменения в информационном банке, возрастающий уровень методологических разработок в гуманитарных науках вообще, и в археологии в частности, объективно вели к наступлению нового этапа в исследовании хараппской проблематики, связанного с интенсификацией исследований, качественным повышением их уровня как на стадии получения информации, так и на стадии интерпретации. Определенным рубежом в этом отношении можно считать проведение в Бомбее в 1972 г. конференции «Радиоуглерод и индийская археология», материалы которой были оперативно изданы отдельной книгой². Наряду с традиционной тематикой здесь были широко использованы данные, полученные в результате применения новых методов точных наук. Вопросы теории и методологии выделены в особый раздел.

Наступление этого качественно нового этапа изучения хараппской цивилизации нашло яркое отражение в проведенных в последнее время конференциях, материалы

¹ *Wheeler R. E. M. Harappa 1946: the Defenses and Cemetery R-37.— Ancient India, 1947, № 3, p. 58—130.*

² *Radiocarbon and Indian Archaeology. Ed. Agrawal D. P., Ghosh A. Bombay, 1973. 526 p.*

которых изданы отдельными книгами, а также в новых обобщающих работах и особенно в фундаментальном сборнике, посвященном памяти видного исследователя древностей Индостана — М. Уиллера³. Важное значение для системного представления об основных достижениях начальных этапов исследований хараппских памятников имеет сборник «Древние города Инда», вышедший в 1979 г. под редакцией Г. Посела⁴. Сборник включает переиздание работ, посвященных различным аспектам этой проблематики, начиная с появившейся в 1875 г. статьи А. Канингама о Хараппе, где были впервые опубликованы (хотя культурно-исторически и не опознаны) хараппские находки, включая печать с иероглифической надписью⁵.

Нет необходимости в подробном изложении всех новых разработок, поднимающих узловые вопросы как конкретного, так и общеметодологического характера. Далее мы кратко остановимся на некоторых важных достижениях в изучении хараппской археологии и перспективных аспектах интерпретации этих новых археологических материалов. Поскольку пока отсутствует общепринятая система дешифровки протоиндской письменности, именно археологические материалы остаются основным источником для реконструкции культурных и социально-экономических процессов, протекавших в Индостане в III—II тыс. до н. э. Среди сводных работ, отчетливо характеризующих состояние исследований в указанных изданиях, можно отметить статьи Б. Тхапара «Шестьдесят лет изучения индских древностей»⁶ и Р. Дайсона «Смена парадигм в изучении индской цивилизации»⁷.

Новые полевые исследования, проводимые в Индии⁸ и Пакистане⁹, позволили перейти к изучению хараппского общества в его конкретных локальных проявлениях как системы поселений¹⁰. К сожалению, здесь остается слабо разработанной типология самих поселений, хотя в принципе признается наличие крупных городских центров, городков и сельских поселков. Если говорить о пространственных границах хараппской цивилизации, то здесь важное значение имеют открытия в Даймабаде и Шортугае. В районе Даймабада случайно был обнаружен ряд бронзовых скульптур: двухколесная повозка с возничим и упряжкой из двух быков и три фигуры на колесах — слона, носорога и буйвола. Проведенный анализ позволяет заключить, что эти изделия если и не являются непосредственно импортом из центральных областей хараппской цивилизации, то сделаны хараппским мастером на месте по строгим канонам хараппской торевтики¹¹. Наличие в Даймабаде археологического комплекса позднехараппского облика, в том числе с пуговицеобразными печатками, еще сохраняющими знаки позднехараппской письменности¹², раздвигает границы древнеиндской цивилизации до бассейна Годавери¹³. Открытие в Шортугае (на левом берегу Амударьи в Северном Афганистане) группы хараппских памятников, где помимо

³ Indus Civilization New Perspective. Ed. Dani A. H. Islamabad, 1981, p. 112; Harappan Civilization. A Contemporary Perspective. Ed. Possehl G. L. Oxford and IBH Publishing Co. New Delhi, Bombay, Calcutta, 1982, 440 p. (далее — HC); Frontiers of the Indus Civilization. Sir Mortimer Wheeler Commemoration Volume. Ed. Lal B. B., Gupta S. P. New Delhi, 1984, p. 540, 223 pl. (далее — FIC); *Allichin B. and R. The Rise of Civilization in India and Pakistan.* Cambridge University Press, 1982, p. 379.

⁴ Ancient Cities of the Indus. Ed. Possehl G. L. Vikas Publishing House. New Delhi, 1979, p. 422.

⁵ *Cunningham A. Harappa.*— Archeological Survey of India, p. 101—104; *Possehl G. L. Discovering Ancient India Earling Cities: the First Phase of Research.*— HC, p. 405—413.

⁶ *Thapar B. K. Six Decades of the Indus Studies.*— FIC, p. 1—25.

⁷ *Dyson R. H. Paradigma Changes in the Study of the Indus Civilization.*— HC, p. 417—427.

⁸ *Joshi F. A., Madhu Bala, Jassu Ram. The Indus Civilization: a Reconsideration on the Basis of Distribution Map.*— FIC, p. 511—530.

⁹ *Mughal R. New Archaeological Evidence from Bahawalpur, Indus Civilization,* p. 33—41.

¹⁰ *Chitavala Y. M. Harappan Settlements in the Kutch-Saurashtra Region: Patterns of Distribution and Routes of Communications.*— HC, p. 197—202.

¹¹ *Dhavalikar M. K. Daimabad bronzes.*— HC, p. 361—366.

¹² *Sali S. A. The Harappans of Daimabad.*— FIC, p. 175—184.

¹³ *Thapar. Six Decades...*, p. 7.

тишичной керамики имеется и печать с надписью¹⁴, подтверждает наличие в древности северного сухопутного пути, предположение о существовании которого было высказано автором этих строк в 60-х годах на основании находок вещей хараппского облика в поселениях бронзового века Южного Туркменистана. Вообще индо-среднеазиатские связи в эпоху палеометалла были, судя по всему, более разносторонними и глубокими, чем это представлялось ранее. Не говоря уже о находках зеркала типа Кулли с антропоморфной рукояткой в комплексах эпохи поздней бронзы в Южном Узбекистане¹⁵, весьма примечательно, что в Саразме, около Пенджикента, выше комплекса, являющегося местным проявлением геоксюрского локального варианта анауской культуры¹⁶, идет слой, где встречается расписная керамика на гончарном круге с мотивами явно не среднеазиатского, а среднебелуджистанского облика.

С самого начала выделения хараппских памятников как устойчивой культурной общности возник вопрос об их положении во времени. Наряду с наличием хараппских и «хараппоидных» находок в памятниках Месопотамии¹⁷ с 50-х годов все большее значение стали приобретать физические методы датирования и прежде всего радиоуглеродный метод¹⁸. Опираясь на эти данные, Д. П. Агравал не симпозиуме в Бомбее в 1973 г. подтвердил свою ранее высказанную точку зрения¹⁹ об отнесении хараппских памятников в нуклеарных областях к 2350—2000 гг. до н. э., а на периферии к 2200—1700 гг. до н. э.²⁰ Однако после того как лабораторией Пенсильванского университета была предложена корректировка привятых определений²¹, калиброванные даты дают по всему миру заметное, а местами и резкое удурвление основных датировок опорных археологических комплексов. Это обстоятельство иногда используется для создания преувеличенного представления о значимости тех или иных археологических культур Евразии. Введение коррекции к радиоуглеродным датам древнего Индостана²² также дает датировку значительной древности. Как отмечает автор последнего обзора К. Рамачандран, с учетом вводимой поправки зрелую Хараппу можно отнести к 2700—2100 гг. до н. э.²³ Но в таком случае возникают определенные противоречия с данными о хараппских проявлениях, в том числе — прямых импортах и памятниках Месопотамии, приходящихся на период ориентировочно с 2350 по 1700 гг. до н. э. Если же считать, что именно древнеиндийская цивилизация известна в клинописных источниках под именем Мелуххи — а эта точка зрения приобретает сейчас все больше сторонников²⁴, то эти хронологические рамки получают новое подтверждение. Неудивительно поэтому, что тот же К. Рамачандран пишет, что при использовании корректированных радиоуглеродных дат необходимо учитывать и месопотамскую хронологию²⁵. Поэтому следует, во-первых, осторожно отнестись к использованию корректированных дат для создания длинной хронологии, призывы к

¹⁴ *Francfort H. P., Pottier M. H. Sondage preliminaire sur l'etablissement protohistorique harappéen et postharappéen de Shorttugai (Afghanistan de NE).* — *Arts Asiatiques*, 1978, v. IV, p. 26—69; *Francfort H. P. The Harappian Settlement of Shortughai.* — *FIC*, p. 299—310; *Франкфорт А. П. Хараппская традиция и бактрийская инновация в Шортугае.* — В кн.: *Древнейшие культуры Бактрии. Тезисы Советско-Французского симпозиума.* Душанбе, 1982, с. 30—33.

¹⁵ *Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана.* Ташкент, 1977, табл. XXXVIII, 6, 8.

¹⁶ *Исаков А. Саразм — поселение эпохи палеометалла в долине Зарафшана.* — В кн.: *Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II Советско-Американский симпозиум.* Ташкент, 1983, с. 62—65.

¹⁷ *Gadd C. J. Seals of Ancient Indian Style Found at Ur.* — *Proceedings of British Academy*, 1932, v. 18, p. 3—22.

¹⁸ *Lal B. B. A Picture Emerges — an Assessment of the Carbon-14 Datings of the Protohistoric Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent.* — *Indian Archaeology*, 1963, № 18—19, p. 208—221.

¹⁹ *Agrawal D. P. The Copper Bronze Age in India.* Delhi, 1971.

²⁰ *Radiocarbon and Indian Archaeology*, p. 209.

²¹ *Ralph E. K., Michael H. V., Han M. Radiocarbon Dates and Reality.* — *MASCA Newsletter. The University Museum*, 1973, v. 9, № 1, p. 1—20.

²² *Buchanan B. A Dated Seal Impression Connecting Babylonia and Ancient India.* — *Archaeology*, 1967, v. 20, № 2. Список дат с учетом коррекции см.: *Ancient Cities of the Indus*, p. 350—353.

²³ *Ramachandran K. S. Dating of the Indus Civilization.* — *FIC*, p. 558 f.

²⁴ *Hansman J. A Periplus of Magan and Malukha.* — *BSOAS*, 1973, v. 36, p. 554—584.

²⁵ *Ramachandran. Op. cit.*, p. 559.

чему уже раздавались в печати²⁶, и, во-вторых, относить хараппскую цивилизацию ориентировочно к XXIV—XVIII вв. до н. э., как поступает и большинство исследователей, занимающихся этой проблематикой.

Вторая проблема прямым образом связана с резким увеличением массового археологического материала, характеризующего памятники хараппского типа в разных их локальных и хронологических проявлениях. Речь идет о тезисе об однородности или культурном однообразии и единообразии хараппской культуры. И Б. Тхапар²⁷ и Р. Дайсон²⁸ убедительно показали, что положение о монолитном единстве хараппской цивилизации уже не отвечает конкретному материалу. Внутри Хараппы вырисовываются различные региональные, районные и культурные группировки, различающиеся в силу целого ряда причин, в числе которых были и местные культурные традиции, и экология, и интенсивность торговых связей. Специалист по археологии Нового Света даже высказал парадоксальное мнение, что термин «индская цивилизация» — условная концепция, маскирующая реальность огромного разнообразия²⁹. Однако реализация этих в принципе вполне справедливых общих положений на конкретном и притом массовом археологическом материале (а размах проведенных исследований вполне позволяет осуществить эту операцию) практически даже не поставлена в повестку дня. И основная причина этого — слабый уровень типологических разработок, отвечающих современному уровню археологической методологии. Это, кстати, общая беда многих концепциональных построений, остающихся на уровне генерализованных моделей и лишь тонкими паутинками отдельных сопоставлений привязанных к надежной материализованной базе вещественных комплексов археологии. Можно полностью согласиться с Р. Дайсоном, что необходимо аналитическое описание зрелой Хараппы³⁰. Но столь же верно и то, что осуществить такое описание без типологических разработок (в первую очередь в области керамических материалов) практически невозможно. Традиции таких разработок имеются в индоанской археологии. Так, С. Пигготом для раннеземледельческих комплексов Белуджистана были выделены керамические стили, учитывающие цветовую гамму и систему орнаментации расписной керамики³¹. Детальная типология для стандартной гончарной посуды самой Хараппы предложена М. Уилером³². Более дробную систему описания керамических типов в основном на основании технологических и орнаментальных признаков внедрил и использовал для раннеземледельческих комплексов В. Фэрсервис³³, у которого фрагментарность имеющегося в его распоряжении подъемного материала практически исключала использование такого важного параметра, как форма сосудов. Именно детальная типология хараппской керамики позволит конкретно подойти к выделению культурных провинций как статистически устойчивого сочетания типов артефактов и прежде всего керамических изделий. Вполне вероятно, что они территориально будут близки практически выделяемым областям в рамках распространения памятников хараппского типа, как, например, это сделано в схеме Г. Посела³⁴. Но тогда это будет не внешняя чисто географическая группировка, а содержательная характеристика этих подразделений как объективно существующих культурных явлений. Выделение керамических провинций хараппской культуры на

²⁶ Mellaart J. Egyptian and Near Eastern Chronology: a Dilemma?— *Antiquity*, 1979, v. LIII, № 207, p. 6—18; Weinstein J., Kemp B. Radiocarbon Dating: two Replies to James Mellaart.— *Antiquity*, 1980, v. LIV, № 210, p. 21—88; Munn-Rankin M. Mesopotamien Chronology: a Reply to James Mellaart.— *Antiquity*, 1980, v. LIV, № 211, p. 128 f.

²⁷ Thapar. *Op. cit.*, p. 14—15.

²⁸ Dyson. *Op. cit.*, p. 418—420.

²⁹ Sharer R. Did the Maya Collapse? A New World Perspective on the Demise of Harappan Civilization.— *HC*.

³⁰ Dyson. *Op. cit.*, p. 419.

³¹ Piggotti J. S. The Chronology of prehistoric North-West India.— *Ancient India*, 1946, № 1, p. 8—26; *idem*. Prehistoric India. Baltimore, 1950.

³² Wheeler. Harappa 1946...

³³ Fairervis W. A. Excavations in the Quette Valley. West Pakistan.— *APAMNH*, 1956, v. 45, pt. 2; *idem*. Archaeological Surveys in the Zhob and Loralai Districts. West Pakistan.— *APAMNH*, 1959, v. 47, p. 12.

³⁴ Possehl C. L. The Harappan Civilization: a Contemporary Perspective.— *HC*, p. 15—28.

строго процедурной основе современной типологии было бы первым шагом на этом пути.

Определенные достижения имеются в сфере конкретной характеристики хараппского общества как социально-экономической реальности, хотя некоторые статьи при всей привлекательности широких заглавий порой не выходят за рамки самых общих заключений и рассуждений, не подкрепляемых анализом имеющихся археологических реалий³⁵. Наиболее заметны практические результаты в изучении разного рода производств, опирающемся на применение новых методов анализа материалов, добываемых археологией. Так, весьма значительны успехи по реконструкции природной среды, в которой протекала жизнедеятельность носителей хараппской цивилизации³⁶, имеются превосходные материалы, характеризующие растительный сектор пищевой диеты³⁷. Таким образом, земледелие как основной источник получения продуктов питания в хараппском обществе предстает перед нами как поливное, полукультурное, с вероятным районированием в использовании различных видов растений³⁸ и широко использующее такой источник энергии, как тягловый скот³⁹.

Разнообразные специализированные ремесла были вторым важнейшим компонентом технологического способа производства хараппской цивилизации. Несмотря на сохранение определенного количества орудий, оснащенных кремневыми пластинами⁴⁰, которые, как показало их трасологическое исследование, использовались в качестве серпов, мясных ножей и при обработке дерева⁴¹, технологически прогресс определялся металлургией и металлообработкой. Изучению этих отраслей традиционно уделяется большое внимание⁴². Свидетельства концентрации соответствующих производств отмечены как в Мохенджо-даро, так и в Хараппе⁴³.

В последние годы не без влияния общетеоретических разработок западных, и в первую очередь американских, исследователей большое внимание уделяется вопросам развития торговли в древних обществах⁴⁴. Оживление этой тематики заметно и по исследованиям последних лет, посвященным хараппским материалам⁴⁵. В частности, подробно рассмотрен вопрос об источниках сырья для различного рода производств⁴⁶, ставились и проблемы социологической интерпретации этой важной стороны жизнедеятельности древних общественных организмов⁴⁷. Все более уверенно намечаются трассы древних торговых путей, связывающих Хараппу с окружающими странами. Выше уже говорилось о новых фактах, подтверждающих реальность функционирования сухопутного маршрута, уходящего из долины Инда на север и северо-восток. Новые раскопки памятников Туркменистана, и в частности крупного центра бронзового века Алтын-депе⁴⁸, доставляют все новые объекты хараппского круга, широко используемые западными и индийскими учеными в своих построениях. Весьма интересны находки в хараппских поселениях костей верблюда, в частности обнару-

³⁵ Malick S. C. Harappan Social and Political Life.— FIC, p. 201—209; Chitalwala V. M. The Problem of Class Structure in the Indus Civilization.— FIC, p. 212—215.

³⁶ Agrawal D. P., Sood R. K. Ecological Factors and the Harappan Civilization.— HC, p. 223—231; Thapar B. K. The Harappa Civilization: Some Reformations on Its Environments and Resources and Their Exploitation, HC, p. 3—14.

³⁷ Vishnu-Mittre Savithri R. Food economy of the Harappans.— HC, p. 205—221.

³⁸ Thapar. Six Decades..., p. 14.

³⁹ Lal B. B. Perhaps the Earliest Ploughed Field so Far Excavated Anywhere in the World.— Puratattva, 1970, v. 4, p. 1—3.

⁴⁰ Allchin B. Substitute Stones.— HC, p. 233—238; Kenoyer J. M. Chipped Stone Tools from Mohenjo-daro.— FIC, p. 117—135.

⁴¹ Коробкова Г. Ф. Трасологическое изучение орудий труда древней Индии. Раннежелезный век Средней Азии и Индии. Ашхабад, 1984, с. 39—43.

⁴² Agrawal D. P. Metal Technology of the Harappans.— FIC, p. 163—167.

⁴³ Gupta S. P. Internal Trade of the Harappans.— FIC, p. 419.

⁴⁴ Lamberg-Karlovsky C. C. Trade Mechanisms in Indus Mesopotamian Interrelation.— JAOC, 1972, v. 92, № 2, p. 222—230.

⁴⁵ Asthana S. Harappan Interest in Kuirman.— Man and Environment, 1979, v. 3, p. 55—60.

⁴⁶ Idem. Harappan Trade in Metals and Minerals: a Regional Approach.— HC, p. 271—285.

⁴⁷ Gupta. Op. cit., p. 417—432.

⁴⁸ Массон В. М. Печати протоиндского типа из Алтын-депе.— ВДИ, 1977, № 4, с. 147—156.

жение захоронения этого животного в Мохенджо-даро⁴⁹. Центр одомашнивания двугорбого верблюда локализуется в Южном Туркменистане и прилегающих районах Восточного Ирана, где он был приручен уже в IV тыс. до н. э.⁵⁰ Вероятнее всего именно необходимость в таком неприхотливом вычном животном для обслуживания сухопутных торговых путей и привела к использованию верблюда древними хараппцами.

Функционирование морского пути, скорее всего каботажного плавания, получило заметное подтверждение после открытия на Бахрейне печатей «стиля Персидского залива», соединявших черты месопотамской и хараппской глиптики⁵¹, и особенно после обнаружения аналогичной печати при раскопках важного центра хараппской торговли — Лотала⁵². Видимо, прав Б. Тхапар, рассматривающий некоторые памятники в прибрежной зоне Южного Белуджистана (Суткатендор, Сотка-кох, Балакот) как промежуточные порты на этом торговом пути⁵³. Вместе с тем эксплуатация природных ресурсов привела в Балакоте к развитию специализированного производства украшений из морских раковин⁵⁴. В свое время М. Маллоун, основываясь на находках различных объектов хараппского круга в районе Диялы, высказал мнение о наличии также сухопутного пути через Южный Иран, связывавшего две великие цивилизации Востока⁵⁵. Новые находки предметов хараппского импорта в Шахдаде в Кермане, где в III тыс. до н. э. располагался крупнейший центр художественной культуры Ирана, подтверждают эту точку зрения⁵⁶. Вместе с тем, выстраивая по археологическим свидетельствам цепочки древних торговых путей, не следует излишне модернизировать роль и значение торговли в жизни древних обществ. Помимо сырья в ее орбиту вовлекались лишь дорогостоящие, престижные предметы, как, например, каменные сосуды с художественными рельефами⁵⁷, служившие лишь узкому кругу древней элиты. Производство мелких аграрных обций, в которые входила основная масса населения, оставалось во многом автаркичным, не затронутым товарными отношениями. Возможно, более детальные исследования проблемы взаимоотношений центра — округи с использованием технологических анализов для диагностики объектов ремесленных производств позволят как-то конкретизировать эту проблему.

Значительно меньше фактических материалов для характеристики социальной структуры хараппского общества. Большинство индийских исследователей не сомневаются в наличии там классового деления⁵⁸. Но конкретно раскрыть этот общий тезис на материалах археологии достаточно сложно, особенно учитывая то обстоятельство, что хараппские могильники мало изучены, и в тех случаях, когда, как в Калибангане, проводилось их исследование, в целом они представляли довольно аморфную картину⁵⁹. Наличие иерархической системы поселений, безусловно, восходит к достаточно сложной системе общественной организации, когда крупные центры осуществляли функцию регионального лидерства по отношению к сельской округе. Под контролем этих центров (и, естественно, его обитателей) находились значительные массы товарной продукции, сосредоточивавшейся в огромных зернохранилищах, открытых М. Уилером как в Хараппе, так и в Мохенджо-даро. Достаточно сложной была и внутренняя структура самих этих центров. «Цитадели» Хараппы и Мохенджо-даро, расположенные на искусственных платформах многометровой высоты и обрамленные по периметру мощными кладками с башнями или контрфорсами (какова бы ни была первоначальная функция этих платформ), своей замкнутой планировкой

⁴⁹ *Meadow R. H.* A Camel Skeleton from Mohenjo-daro.— FIC, p. 133—139.

⁵⁰ *Ермолова Н. М.* Где же одомашнили двугорбого верблюда?— Природа, 1976, № 10.

⁵¹ *Bibby T. G.* The «Ancient Indian Style» Seals from Bahrain.— Antiquity, 1958, v. 32, p. 243—244.

⁵² *Rao S. R.* A «Persian Gulf» Seal from Lothal.— Antiquity, 1963, v. 37, p. 96—99.

⁵³ *Thapar.* Six Decades..., p. 12.

⁵⁴ *Dales G. F.* The Balacot-ject: Summary of Four Years Excavations in Pakistan.— South Asian archaeology, Naples, 1979, v. 1, p. 241—274.

⁵⁵ *Mallonan M. E. L.* The Mechanism of Iranian Trade.— Iran, 1965, v. VIII.

⁵⁶ *Asthana S.* The Place of Shahdad in Indus Iranian Trade.— FIC, p. 353—361.

⁵⁷ *Khol Ph.* The «World-Economy» of West Asia in the Third Millenium B. C.— South Asian archaeology, Naples, 1979, v. 1, p. 55—85.

⁵⁸ *Lal B. B.* Some Reflections on the Structure Remains at Kalibangan. FIC, p. 61.

⁵⁹ *Sharma A. K.* The Harappan Cemetery at Kalibangan: a Study.— HC, p. 297—299.

противостояли основным массивам жилых кварталов, и их силуэт архитектурно доминировал над всем городским центром в целом. О происходящем в этих крупных центрах накоплении богатств свидетельствуют клады, включавшие, в частности, ценные произведения ювелиров.

Особый интерес представляет внутренняя структура Калибангана, тщательно изученная археологами Индии⁶⁰. В Калибангане, уступавшем по размерам и степени городского благоустройства Мохенджо-даро и Хараппе, но все же бывшем крупнейшим центром целого района, сосредоточенного вдоль реки Сараасвати, также налицо по меньшей мере двухчастная система. Меньшая часть в плане состояла из двух спаренных ромбов, имевших каждый отдельно размер 120×120 м и в целом образующих параллелограмм. Ее окружали обводные стены, возведенные из крупноформатного сырцового кирпича. В «южном ромбе» отсутствуют утилитарные строения, но налицо культовые сооружения, условно названные «алтарями огня» и алтарями-подиумами, где совершались жертвоприношения крупного рогатого скота. В «северном ромбе» подобные ритуальные сооружения отсутствуют — там уже располагались жилые дома, служившие, как полагают индийские исследователи, местом обитания жреческих семей, обслуживавших культовый центр. «Нижний город» Калибангана занимал площадь в 9 га и также имел в плане форму параллелограмма, обведенного сырцовыми стенами. Здесь находились просторные многокомнатные жилые дома, располагавшиеся вдоль основных и подсобных уличных магистралей. Таким образом, налицо по меньшей мере две социальные группы, территориально обособленные и различающиеся образом жизни. В данном случае, возможно, в общественном устройстве было много от теократических элементов, характерных для ранней стадии развития государственного организма, когда существовали так называемые «храмовые городки»⁶¹, одним из образцов которых и является Калибанган. Погребения в некрополе Калибангана, как правило, лишены инвентаря, и лишь в одной могиле пожилого мужчины обнаружено свыше 70 керамических сосудов. Имеются некоторые данные о наличии в хараппском обществе еще третьей группы, отличавшейся образом жизни и соответственно общественным, надо полагать, статусом. Это обитатели баракоподобных построек, раскопанных как в Хараппе, так и в Мохенджо-даро⁶². Видимо, это был другой полюс имущественной состоятельности и социальной значимости внутри хараппского общества.

Весьма показательно стремление вычленить из окружающего пространства по крайней мере нуклеарную часть хараппского поселения — так называемую цитадель. Правда, специальный анализ показал, что имеющиеся в ее стенах въезды осуществляли ограниченную военную функцию и нередко были снабжены лестничными маршами⁶³. Это обстоятельство, как и сравнительно ограниченное количество оружия (к тому же типологически слабо развитых форм), обнаруженного на хараппских памятниках, свидетельствует о том, что здесь, так же как в южнотуркменистанском Алтын-депе⁶⁴, была довольно слабо развита военная функция. Это, разумеется, отличало обе цивилизации от одновременных обществ Передней Азии, находившихся в непрерывном военно-политическом противоборстве, которое резко стимулировало развитие военного дела. Однако нет оснований полностью отрицать функцию убежища для укрепленных хараппских поселений, военную значимость которых справедливо подчеркивают многие авторы⁶⁵.

Наряду с содержательной характеристикой самого хараппского общества как такового важной проблемой остаются вопросы его происхождения. В настоящее время совершенно ясно, что истоки всех основных древнейших цивилизаций Старого и Нового света восходят к исходному пласту раннеземледельческих культур, где зародились основные их особенности, — от производства продуктов питания и специализированных производств до нового образа жизни; эти особенности составили

⁶⁰ Lal. Some Reflections...

⁶¹ Массон В. М. Алтын-депе. Л., 1981, с. 107 сл.; Redman Ch. L. The Rise of Civilization. San Francisco, 1978, p. 202.

⁶² Allchin B. and R. Op. cit.

⁶³ Kasarwan A. Harappan Gateways: a Functional Reassessment. — FIC, p. 63—73.

⁶⁴ Массон. Алтын-депе, с. 107.

⁶⁵ Dyson. Op. cit., p. 424; Lamberg-Karlovsky C. C. Sumer, Elam and the Indus: Three Urban Processes Equal one Structure. — ИС, p. 67.

специфические черты первых цивилизаций. Новые археологические работы на Индо-Пакистанском субконтиненте существенно удревели возраст первых земледельцев этого региона. Мы имеем в виду в первую очередь раскопки Французской экспедиции в Мергаре, на севере Белуджистана⁶⁶. Находки зерен культивируемого риса наряду с дикорастущими сортами в архаических по культурному облику комплексах по среднему течению Ганга лишь предвосхищали кардинальные перемены, которые в этой зоне наступили несколько тысячелетий спустя⁶⁷.

Древнейший комплекс Мергара, который с полным основанием можно именовать мергарской культурой неолитической эпохи, относится в основном к VI тыс. до н. э., и, быть может, он продолжал существовать в следующем тысячелетии, хотя открывшие его исследователи предпочитают говорить об его удревнении, а не омоложении. Кремневая пластинчатая индустрия этого древнейшего Мергара (Мергар I) со значительным числом геометрических микролитов в виде симметричных трапеций и сегментов имеет прямые аналоги в материалах южнотуркменстанского Джейтуна, как это и отмечают почти все исследователи⁶⁸. В Мергаре налицо такие характерные признаки эпохи производящей экономики, как глинобитные строения, domesticiрованные злаки и, при преобладании дикой фауны, мелкий рогатый скот. Судя по всему, перед нами местный очаг сложения производящей экономики, входящий по ряду признаков (в частности, по типу кремневой индустрии) в восточную культурную зону вместе с Джармо и Джейтуном⁶⁹. Возможно, именно с запада был получен ряд хозяйственных и культурных элементов, в том числе домашняя овца, центр одомашнивания которой, как показали специальные исследования зоологов, находился в Загросе и более западных областях. Наряду с этим местная специфика, и в частности включение в хозяйственный обиход местных пород животных, определяет культурный облик уже древнейших комплексов Мергара. Эта значительная культурная специфика, которую В. Ферсервис в одной из своих работ назвал «индианизацией», весьма рано, как показывают раскопки Мергара, стала характерной чертой раннеземледельческих культур Белуджистана и долины Инда. Несколько неожиданно отсутствие в Мергаре глиняной посуды, которая вообще является в данном регионе относительно поздней и появившейся почти сразу в совершенном виде. Дело в том, что уже в комплексе Мергар II Ж. Ф. Жариж находит расписную керамику высокого качества, сделанную с помощью «поворотного инструмента»⁷⁰. Позднее, как и в других раннеземледельческих комплексах Белуджистана, налицо керамика, сделанная на гончарном круге быстрого вращения. Таким образом, здесь почему-то отсутствует длительный период совершенствования гончарного производства, предшествующий внедрению такого совершенного инструмента, как гончарный круг, на который обычно приходится почти два тысячелетия. Это обстоятельство заставляет, в частности, отнестись пока с осторожностью к ранним датировкам Мергара, по которым гончарный круг здесь входит в употребление не только сразу, но и намного раньше, чем в Шумере (Урук) или Центральном Иране (Сиялк III). Возможно, в самом Мергаре, где вертикальная стратиграфия слабо выражена, еще будут выявлены какие-либо переходные комплексы. Но как бы то ни было, раннеземледельческая эпоха Индостана, ранее лишь угадывавшаяся по скудным материалам Кили-Гхул Мухаммеда (тоже бескерамического и, возможно, относящегося к культуре Мергара), теперь облекается в плоть и кровь полноценного археологического комплекса. Наличие этой надежной точки отсчета — существенный момент при рассмотрении проблемы происхождения Хараппы.

⁶⁶ Jarrige J. F., Lechevallia M. Excavations at Mehrgarh in Beluchistan.— South Asian Archaeology, Naples, 1979, v. 1, p. 633—636; Jarrige J. F. Excavations at Mehrgarh: Their Significance for Understanding the Background of the Harappa Civilization.— ИС, р. 79—84; *idem*. Towns and Villages of Hill and Plain.— FIC, p. 289—300; Жариж Ж. Ф. Связи Белуджистана и Средней Азии во второй половине III тыс. до н. э. в свете работ в районе Мергара.— В кн.: Древнейшие культуры Бактрии. Советско-французский симпозиум. Душанбе, 1982, с. 36—38.

⁶⁷ Массон В. М. Археологические исследования Аллахабадского университета.— ВДИ, 1982, № 1, с. 228 сл.

⁶⁸ Allchin B. and R. Op. cit., p. 106.

⁶⁹ Массон В. М. Значение археологических памятников Азии для изучения всемирной истории.— В кн.: Археология зарубежной Азии. Л., 1985, с. 4.

⁷⁰ Jarrige. Towns and Villages..., p. 297.

Как четко формулирует Б. Тхапар⁷¹, налицо два в известной мере диаметрально противоположных подхода. По концепции, последовательно отстаивавшейся М. Уилером, «идея цивилизации», так же как «идея письма» и другие кардинальные инновации, пришла в долину Инда из Двуречья⁷². В советской науке эта точка зрения была подвергнута сомнению⁷³. В обзоре раннеземледельческих культур Индостана в 1964 г. автор настоящей статьи писал: «Реальное рассмотрение конкретной исторической обстановки показывает, что сложение городской цивилизации в Синде и Пенджабе обусловили конкретные местные предпосылки, и прежде всего бурное развитие производительных сил. Так, древнеиндийская иероглифика возникла не потому, что Синда достигла вышедшая из Шумера «идея письма», а потому что введение письменности обуславливалось возросшими хозяйственными и общественными запросами древнеиндийского общества»⁷⁴. Развернуто обосновал подход к хараппской цивилизации как к местному явлению В. Фэрсервис, пришедший к заключению, что ее формирование было логическим завершением процессов, начавшихся в Белуджистанском регионе⁷⁵, т. е. в среде раннеземледельческих общин.

В принципе вокруг этих двух подходов, или парадигм, вращается и современное обсуждение этой важнейшей проблемы. Новые археологические открытия в обширной зоне, разделяющей Двуречье и долину Инда, привели к поиску передаточных инстанций в предполагаемом движении прогрессивных начал с запада на восток. После открытия в Юго-Восточном Иране таких памятников, как Яхья-тепе и Шахри-Соخته, К. К. Ламберг-Карловский допускал, что именно этот регион сыграл важную роль в процессах, приведших к сложению хараппской цивилизации⁷⁶. Такой подход оказал известное воздействие на некоторых индийских исследователей. Так, Б. Тхапар отмечал, что сложение обществ Яхья-тепе и Шахри-Соخته могло оказать формативное влияние на Хараппу, а наличие в том же регионе протоэламских общин, знакомых с пиктографией, могло стимулировать сложение системы письма и развитие общества в долине Инда⁷⁷.

В общесоциологическом плане генетическая связь древнеиндийской цивилизации с раннеземледельческими общинами того же региона не вызывает сомнений, и новые археологические открытия приносят все новые и новые тому доказательства. С включением новых территорий в систему эффективного земледелия технологические традиции (прежде всего в сфере гончарства и металлургии), сформировавшиеся в среде ранних земледельцев Белуджистана и частично долины Верхнего Инда (Рахман-дери, Джадилшур), получили дальнейшее прогрессивное развитие в хараппских городских центрах. Целый ряд местных земледельческих традиций может быть прослежен и в хараппском культурном комплексе. В области архитектуры это дальнейшее развитие такого важного элемента оседлого земледельческого поселения, как зернохранилище, известного со времен докерамического неолита Мергара. Сравнительно мелкий формат прямоугольного сырцового кирпича, определившийся в том же Мергаре, где он составлял $32-28 \times 14,5 \times 7$ см, продолжается в предхараппских комплексах Калибангана ($30 \times 20 \times 10$) и незначительно модифицируется в хараппских наслоениях того же памятника ($30 \times 15 \times 7,5$ — в жилых строениях, $40 \times 20 \times 10$ — в обводной стене). Близкие пропорции могут быть прослежены и в жженом кирпиче Мохенджо-даро с его стандартом в $28 \times 13,5 \times 5,7$. Квадратная форма знаменитых хараппских печатей, резко отличная от цилиндрических печатей Месопотамии, является прямым продолжением традиции квадратных печатей раннеземледельческой эпохи, изготовлявавшихся из камня, терракоты и кости. Как справедливо отмечает Ф. Дуррани, анализируя уникальную печать из ранних слоев Рахман-дери, представленное на ней совместное расположение животного и рядом с ним символических

⁷¹ Thapar. Six Decades..., p. 17.

⁷² Wheeler R. E. M. Early India and Pakistan to Asoka. L., 1959, p. 101—106.

⁷³ Массон В. М. Рец. на кн.: Wheeler M. Early India and Pakistan to Asoka. L., 1959.— ВДИ, 1962, № 3, с. 178—182. Transl. by H. Ch. Pande. Occasional paper № 4. Publ. by Field Research Projects, Coconut Grove. Florida, 1969.

⁷⁴ Массон В. М. Средняя Азия и древний Восток. М.— Л., 1964, с. 272.

⁷⁵ Fairservis W. A. The Roots of Ancient India. N. Y., 1971.

⁷⁶ Lamberg-Karlovsky. Trade Mechanisms...

⁷⁷ Thapar. Six Decades..., p. 18.

знаков прямо превосходит харапскую глиптику⁷⁸ и композиционно и, возможно, семантически. В керамической росписи Харappy, засвидетельствованной лишь на небольшом количестве сосудов и явно представляющей собой угасающую традицию, мотивы листьев пипала, рыб, орнамента, названного «рыбьей чешуей»⁷⁹, также имеют бесспорные раннеземледельческие прототипы. То же следует сказать и про терракоты Мохенджо-даро со сложным головным убором и, как убедительно показал Р. Олчин⁸⁰, про культ быка, прослеживаемый по росписи керамики предхарапского времени, где часто воспроизводится изображение крупной головы животного с листьями пипала между мощными рогами. Как известно, рогатый головной убор, судя по изображениям на печатях, был в харапскую эпоху своего рода символом божеств, приобретших уже антропоморфный облик. Это все традиционные, сугубо индостанские элементы культурного наследия.

Сложнее обстоит дело с попытками определить исходный локус того специфического культурного комплекса, который представляет археологическую культуру зрелой Харappy. Исследователи отмечают, что на целом ряде памятников, как, например, в Амри, происходит постепенное смешение местных и харапских элементов, не формирующихся на месте, а приходящих со стороны и как бы в готовом виде. В Калибангане, где налицо прямое перекрывание предхарапских наслоений харапскими, также фиксируется определенный разрыв между ними, когда зрелая Харappa появляется в готовом, сложившемся виде. Автор этих строк предложил видеть в формировании зрелого харапского комплекса процесс культурной мутации, когда складываются новые стандарты и эталоны и именно эти инновации определяют специфический облик культуры в целом⁸¹. Уже в предхарапский период шел активный процесс культурной конвергенции, охвативший провинции раннеземледельческих племен с различными культурными традициями⁸². Происшедший затем качественный культурный скачок, которым явилось сложение цивилизации как социокультурного явления, органически соединив традиции и инновации, и предопределил общий облик харапской культуры. Это был сложный диалектический процесс, и любые заимствования, если они имели место на селективной основе, инкорпорировались местной культурной средой в тех случаях, когда они отвечали сложившимся потребностям и тенденциям. В этом плане значение «шумерского фактора», если он и имел место, едва ли следует преувеличивать и уж во всяком случае придавать ему решающее, структурообразующее значение. Тем более пока нет убедительных данных о проникновении групп шумерского населения в долину Инда в III тыс. до н. э.⁸³ Недавно был, правда, поставлен вопрос о возможности существования шумерских торговых колоний в зоне харапской цивилизации⁸⁴. При этом вопрос во многом рассматривается по аналогии с данными клинописных источников о существовании мелуххского поселения в Лагаше, где проживали древнеиндские (коль скоро принимать отождествление Мелухха — Харappa) торговцы со своими семьями. Новый анализ соответствующих свидетельств письменных источников показывает, что имена обитателей этого лагашского анклава представляют собой транслитерацию на шумерский с местного, т. е. мелуххского, языка⁸⁵. Однако в отличие от этих данных у Дьюринг-Касперс нет бесспорных свидетельств существования шумерских выселков в харапских центрах. Он в основном опирается на находки в Мохенджо-даро и других памятниках печатей цилиндрической формы, действительно резко отличающихся от традиций местной глиптики. Однако изображения на цилиндрах не имеют чисто месопотамского характера и скорее

⁷⁸ Durrani F. A. Some Early Harappan Sites in Gomal and Banny Valleys.— FIC., p. 509.

⁷⁹ Allchin B. and R. Op. cit., p. 163.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Массон В. М. Формирование древних цивилизаций в Средней Азии и Индостане.— В кн.: Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984, с. 69.

⁸² Allchin B. and R. Op. cit., p. 163.

⁸³ Gupta S. P., Asthana S. Harappa vis à vis Mesopotamian Urbanisation and Town Planning.— Man and Environment, 1978, v. II, p. 47—50.

⁸⁴ During Caspers E. C. L. Sumerian Trading Communities Residing in Harappian Society.— FIC, p. 363—370.

⁸⁵ Parpola S., Parpola A., Brunswing R. H. The Meluhha Village. Evidence of Acculturation of Harappan Traders in Late Third Millenium Mesopotamia.— Journal of Economy and History of Orient, 1977, v. XX, pt II, p. 126—165.

отражают определенный этап культурной ассимиляции. Но даже если и будет доказано наличие таких поселенцев в харапшскую эпоху, это мало повлияет на саму проблему происхождения этого знаменательного явления древнего мира, глубоко самобытного по своим основным параметрам.

Перспективность культурологического подхода к анализу харапшской цивилизации как на стадии ее возникновения, так и в период зрелости не вызывает сомнений. Отметим в этом плане интересные разработки К. К. Ламберг-Карловского, который предлагает видеть в Шумере, Эламе и Индии разное воплощение трех стадий развития, близких по содержанию⁸⁶. При этом он имеет в виду стадию первичной урбанизации, стадию первичной инкорпорации, осуществляющуюся, в частности, через механизм колонизации (эламские фактории в Иране, харапшская в Шортугае), и стадию вторичного вовлечения, когда активно происходит процесс аккультурации. Рассмотрение этих построений — особая тема. Однако нельзя не заметить, что сама постановка вопроса о прохождении обществом в трех регионах сходных стадий прямым образом выводит исследователей на признание наличия общих закономерностей исторического развития, что является составной частью мировоззренческой концепции советской исторической науки.

В. М. Массон

---

⁸⁶ *Lamberg-Karlovsky. Sumer...*

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО РАБСТВА

Рецензия посвящена рассмотрению концепции древнегреческого рабства, разработанной известным французским антиковедом-марксистом И. Гарланом. В 1982 г. он опубликовал монографию «Рабы в древней Греции»¹, а два года спустя — ее своеобразное продолжение — сборник текстов, освещающих ту же проблему (отрывки из греческих и латинских авторов, надписей и папирусов в переводе на французский язык)². Естественно, что наш анализ в первую очередь будет обращен к монографии.

Во «Введении» (с. 13—35) И. Гарлан кратко характеризует историографию проблемы и источников. Изучение древнегреческого рабства началось в эпоху Возрождения. Первоначально эта проблема находилась всецело в сфере интересов «эрудитов», собиравших материалы источников и снабдивавших их рассуждениями морального плана, осуждая рабство или защищая его. С середины XVIII в. можно говорить о возникновении нового подхода к античному рабству, преимущественно в трудах экономистов, которые, изучая способы существования человеческих обществ, организацию экономической жизни, вопросы демографии, обращались и к древности. С появлением трудов К. Маркса и Ф. Энгельса эта традиция начала оказывать влияние на историографию античности. Анализируя взгляды классиков марксизма на античное рабство, И. Гарлан проявляет особый интерес к проблеме «азиатского способа производства». Переходя к влиянию марксизма на изучение античного рабства, И. Гарлан пишет что первоначально оно проявлялось главным образом опосредствованно, через труды таких социологов, как К. Бюхер и М. Вебер, у которых влияние марксистских взглядов сочеталось с сильным эклектизмом. Реакцией на их работы стала концепция Э. Мейера, который попытался дать античному рабству чисто поли-

---

¹ *Garlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne. Textes à l'appui. Histoire classique. Série dirigée par P. Vidal-Naquet. Paris: Francois Maspero, 1982, 217 p.*

² *Idem. L'esclavage dans le monde grec. Recueil de textes grecs et latins. Annales Littéraires de l'Université de Besançon, 305. Centre de Recherches d'Histoire Ancienne, v. 60. Paris: Les Belles Lettres, 1984, 163 p.*